

**СЕРГЕЙ
ГАЛИУЛЛИН**

**ЧУВСТВО
ВИНЫ И
ЛЕГКИЕ
НАРКОТИКИ**

Сергей Галиуллин
Чувство вины
и легкие наркотики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329623

ISBN 978-5-4474-0169-6

Аннотация

Дебютный сборник стихов молодого пермского автора. Страдания по пустыкам, скепсис по отношению к катастрофам, любовные лодки, разбившиеся друг о друга.

Содержание

я не был никогда экзистенциальным поэтом,	4
Мы встречаемся в месяц раз, в опустевшем баре,	6
что-то не спится стиральной машине,	7
и дыра в затылке (проем двери),	8
неудачника видно по почерку, по волосам	9
в носу,	
завтра наступит лето, но это	10
выживешь с пулей в сердце	11
всаднику без головы нелегко живется,	12
от довольного человека пахнет клубникой,	13
я похоже умер и дом вымер,	14
пятый день нашей хроники. пишем в стол.	15
храним для потомков.	
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Галиуллин

Чувство вины и легкие наркотики

**я не был никогда
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫМ ПОЭТОМ,**

и здесь говорить, пожалуй, буду
лишь о своей любви к тебе.
я хочу провести с тобою лето,
зимовать мешают мои простуды,
мы уедем в какой-нибудь коктейбель.
или другую гористо-морскую местность.
совершать прогулки, студить затылки
на террасе нерусское пить вино.
я когда-нибудь обрету известность,
собирая твои кивки и ухмылки,
превращая их маленькое кино.
перед титрами пауза, музыка виснет,
на экране затем бесконечно долго
пролетают буквы, труба гудит.
мне очень нравится, что ты в моей жизни
занимаешь места не больше осколка,

который заблудился в моей груди.

Мы встречаемся в месяц раз, в опустевшем баре,

Ближе к полночи, ближе к стойке, ближе к луне,
Худощавый мальчик играет нам на гитаре,
Слишком много вина в бокале и водки во мне.
Мы встречаемся в месяц раз, мы не можем чаще,
Слишком старые, слабые наши с тобой сердца,
Плюс при горечи одинокого месяца слаще
Эти встречи с началом, но без конца.
Мы встречаемся в месяц раз, мы гордимся этим,
Мы герои красиво снятых кинокартин,
Мы юны и пьяны и предельно опасны как дети,
По ночам отдающие камни стеклу витрин.
Мы встречаемся в месяц раз, так до самой смерти,
До тоннеля без яркого света в самом конце,
Только мальчик с гитарой будет хранить в конверте
Фотографию нашу и печаль на лице.

ЧТО-ТО НЕ СПИТСЯ СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЕ,

одолевают страхи большие
и малые, белые и деликатные,
черные и с цветными пятнами.
как тяжело машине, паршиво,
вещи внутри непонятные, вшивые,
вертятся, сушатся, море режимов,
самое страшное – вещи чужие,
нет у машины даже носка,
обуревают машину тоска.
смотрит на стены в кафельной плитке,
месяц работы как годы отсидки,
крутит и вертит, скулит и стенает.
уже живет только щетка зубная.

и дыра в затылке (проем двери),

с номерком браслет, ты себе бери,
а ему надевай на запястье свой,
и беги лесами, пока простой.
и пока заряжают, считают, пьют,
умирают, спасают, баклуши бьют,
на опушке леса сорвешь берет,
закопаешь, как будто тебя и нет.
похоронка в город твой, а ему,
потерявшему всю семью, к чему
похоронка? смотри сбежал,
не заметили, что же ты дрожал.
пропивая память в дурном кафе,
что за город? какой-нибудь санта-фе.
обещаешь себе написать про войну,
там не будет намека на глубину,
только крик (каждый крик – тишины стена),
я меняю свои имена (на!).
ты идешь на войну имена менять,
в каждой бойне остаются в тенях
убитых частички твоей души,
перемена миров – ты так решил.
и бежишь от себя босиком с мешком
браслетов (с запястья тащил тайком).

неудачника видно по почерку, по волосам в носу,

он несет свою спину, как будто бревно несут
на субботнике двое с лениным, трое с лениным.
листопад.

неудачника защищает от мира собственный ад.
или собственный рай, все равно исправить нельзя
ничего, и гладишь спину улыбчивого кота.
исчезают под утро воображаемые друзья,
и еще обидней – исчезают буквы с листа.

завтра наступит лето, но это

не так уж важно, если купить билеты
(заранее) до края света,
а дальше по тонкой тропке за край.
а там можно крушить буфеты
с вишневым вареньем,
сворачивать сигареты из иноземных трав,
водить облака при себе не имея прав.
если наступит лето, то каждый прав.

ВЫЖИВЕШЬ С ПУЛЕЙ В СЕРДЦЕ

и будешь рассказывать внукам,
какая сука
была их бабка,
достала маузер и стреляла в упор
и то промахнулась
два раза.
на третий пуля попала в сердце.
она улыбнулась и вышла.
потом вернулась,
когда ты в палате под капельницей,
лежал и обдумывал месть.
есть справедливость,
она стала лучше и больше в тебя не стреляла.
глаза уже закрываются,
воображения не хватает.
если выживешь с пулей в сердце,
тебя залатают.
а если нет, то внуки уже не узнают,
как все происходило,
как ты всадил себе пулю в сердце,
когда она уходила.

всаднику без головы нелегко живется,

в голове номера телефонов соньки, машки,
адрес тещи, диагноз тещи и имя тещи.
и маршрут, которым можно свалить отсюда.
хорошо хоть ноги сами несут в пивную,
где рука ощущает запах холодной кружки,
где рука ощущает пену, горчинку, градус.
и идешь из пивной то ли в радости, то ли в горе.

ОТ ДОВОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА ПАХНЕТ КЛУБНИКОЙ,

не мороженой, свежей, с тетиной дачи,
из ведерка ел, не стесняясь, ложкой.
у недовольного человека пятна
от любой-прелюбой клубники
и мороженой и с тетиной дачи.
от недовольного до довольного человека
ехать автобусом как до усть-качки,
и автобус сломается посередине

я похоже умер и дом вымер,

половицы-клавиши молчат
сон плывет по морю как суер-выер,
то на остров памяти, то еще какой ад.
растеклась температура по телу,
растеклась по полу полукровать.
видимо здоровым надо быть в меру,
временами надо нам умирать.
люди очень часто бегут по кругу,
люди никогда себя не берегут.
люди иногда держат в руке руку,
иногда трахаются, иногда врут.
сон плывет по небу как спутник,
будто это карма – плыть и плыть.
если есть какой-нибудь в мире заступник,
то ему пора уже заступить.

пяты́й день нашей хроники. пишем в стол. храним для потомков.

нас засыпало снегом, нас закрыло внутри сугроба,
кажется, будто мы в ящике размерами меньше гроба.
пяты́й день. мы начинаем чувствовать все особенно
тонко.

кажется мир подрагивает вокруг, может быть мы
в котомке

за плечом великана, катающегося с горки.

сил становится меньше, медленно надвигается ломка
от недостатка веры, воздуха и махорки.

есть предположение, что мы не рождались совсем, что мы
в утробе,

легче думать, что именно там, а не в этом сугробе,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.